

Пролог

Звонящая тишина заполнила зал. Люди с портретов на стенах безмолвно, но сочувствующе смотрели на сидящего в нервном ожидании короля. Его руки беспокойно блуждали по камзолу, а ноги торопливо выбивали ритмы на каменном полу. Он резко вскидывал голову, прогоняя упавшие на лицо волосы, и словно находил лишний повод взглянуть на дверной проем, в котором в любой момент могла появиться повитуха.

Стоящий за спиной короля маг положил руку на его подрагивающее плечо.

— Ваше величество, я видел вашу дочь. — Его голос отскакивал от одной стены к другой, пока не заполнил гулким эхом все помещение. — Она мала, но сильна. У нее ваш характер.

Король нетерпеливо повел плечом и поднял красные от отсутствия сна глаза.

— И ее лицо.

Король вскочил с места и ринулся в коридор. Ждать дольше он был не в силах, а душа и разум более ему не принадлежали — маленькое существо, выросшее под сердцем его любимой, забрало у него все имевшиеся на них права. Коридор казался бесконечным и пустым, несмотря на удвоен-

ную стражу и спящих повсюду слуг. От волнения король едва стоял на ногах. Великий полководец и воин, находясь в ожидании чуда рождения дитя, с трудом помнил план собственного замка и не знал, в верном ли направлении шел. Добравшись до толстой, закрытой на засов деревянной двери, он занес руку, чтобы постучать. Воздух прорезал пронзительный крик.

Крик новорожденного.

Король чуть не разнес дверь в щепки. Она со скрипом распахнулась, обдав лицо новоиспеченного отца паром и запахом крови, от которого пустой желудок свернулся в напряженный комок. Все присутствующие обратили взгляды к настойчивому гостю. Все, кроме нее. Белокурая девушка лежала на кушетке с закрытыми глазами, едва дыша, вся раскрасневшаяся от потуг. Королю пришлось силой прокладывать себе путь — десяток повитух упрямо просили его подождать.

— Любимая, — прошептал он, расцеловывая ее лицо. — Дорогая, ты смогла! У нас...

Он замялся.

— Девочка, — без эмоций подтвердила повитуха.

— У нас девочка, слышишь?

Измученное лицо тронула легкая улыбка, но слабость ее была столь сильна, что посмотреть на дитя она так и не смогла.

— Люби... — еле слышно шепнула она. — Люби ее.

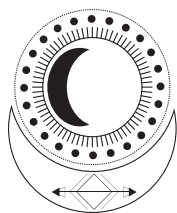
Король был полон любви; он предвкушал ее, но даже не осознавал ее истинных размеров. Был готов кричать о ней каждому прохожему, петь каждому путнику, рассказывать каждой звезде на ночном небе. Однако не успел он произнести и слова, как девушка, только что, казалось, поборовшая бессилие, обмякла. Ее рука, мгновение назад крепко сжимавшая большой палец короля, ослабла.

Обезумевший, король оглядывал замерших слуг и стражу. Лишь одна из повитух осмелилась сойти с места: она поднесла к королю умытого ребенка и предложила взять его на руки. Ярко-синие глаза распахнулись, стоило королю прикоснуться к драгоценному свертку, и изучающе уставились на отца. Так, разглядывая маленькое личико, он дошел до своих покоев, несколько раз чуть не столкнувшись с обитателями замка. Спустя час в дверь постучали — маг, недавно поддержавший правителя в тронном зале, осторожно заглянул в его покои.

— Ваше величество, — прошептал он, опасаясь разбудить дитя. — Всадник уже ждет. В какие земли и с какой вестью ему следует отправиться?

— Отправьте гонца к тем, кто ее вырастил, — ровным тоном произнес он, а потом, поняв, что выразился недостаточно точно, исправился: — К ее родителям. Скажите, что ее больше нет. И отошлите их подальше.

Глава 1

В ту ночь я никак не мог дотянуться до рассвета.

Ночные дежурства у лесных границ с самым живописным видом на людское королевство быстро вплелись в повседневность, но их однообразность оказалась крайне утомительной. Ярких событий и потрясений я избегал сознательно — отсиживать в тени славы выдающегося отца было одновременно просто и невыносимо, — но годы шли, а я не чувствовал, что жизнь во мне кипит и искрится. Лишь проходит мимо.

Впрочем, Аррум был прекрасным местом, чтобы просто существовать.

Бесконечная зелень деревьев окутывала душу теплом, словно сама Мать Природа брала тебя под свое крыло; каждый миг казался столь ценным, что мысли о бесполезности прошедшего дня улетучивались еще до того, как успевали зародиться. Лес скрывал от глаз чужаков самое важное — Дворец Жизни, — и каждый эльф в его границах знал, что Богиня стоит на его защите.

— Териат!

Я обернулся, хоть в этом и не было необходимости: каждую интонацию, на какую был способен этот голос, я знал наизусть. Индис пробирался че-

рез кусты, как всегда пренебрегая протоптанными дорожками, и высказывал недовольство каждой ветке, посмевшейся бесцеремонно зацепиться за его драгоценные одежды.

— Спишь, дурень?

— С тобой уснешь, — проворчал я. — Ты что, сбежал со своего поста?

— Не сбежал, а подменился, — оскорбился он.

— Когда-нибудь Бэтиель плюнет на все и застрелит тебя, вот увидишь.

Индис пожал плечами, даже не рассматривая вероятность такого развития событий. Усевшись на упавшее дерево, служившее местным постовым единственным подобием мебели, он достал из кармана жилета россыпь красных ягод. Половина даров природы не пережила путешествия. Эльф поспешил закинуть их в рот, но стекавший меж пальцев сок тут же окрасил его жилет похожими на кровь пятнами.

— Кнорд, — тихо выругался он.

Я усмехнулся, но шутить над другом не стал; знал, что вызову этим лишь поток сетований о предстоящей стирке и полном отсутствии в моем сердце сострадания. Индис не отличался серьезностью, что, впрочем, не мешало обществу многого от него ожидать, а ему — без зазрений совести не оправдывать этих ожиданий.

Я устремил взгляд за границы леса. Городские стены Грей отделялись от острова зелени пустынным трактом, поросшим низкой травой, отчего каменные возвышения выглядели еще величествен-

нее. В окне на вершине башни Восхода, словно в ответ на мой интерес, вспыхнул факел. Пламя было неподвижным и потому в окружении тьмы напоминало яркий зрачок на фоне темной радужки; я поежился, представляя, какому страшному зверю мог бы принадлежать подобный взгляд. Индис ткнул меня в плечо, привлекая внимание.

— Сегодня пришлось снова сидеть на совете... — пожаловался он, встряхнув облако упавших на лицо рыжих кудрей. — Неудивительно, что в Арруме такая скукота! Двадцать членов совета, и все — старше четырех сотен лет. Нужен кто-то молодой, кто напомнит им, что жизнь может быть совсем иной.

— Если проявишь инициативу, твоя мать будет счастлива.

— Нет-нет-нет, — тут же запротестовал эльф. — Я — никогда. Но ведь мечтать не вредно?

Я предложил рассказать друг другу о самых смелых мечтах, когда-либо посещавших наши умы, и до самого рассвета не произнес ни слова. Индис рассуждал, что будет, если бабочки станут размером с птиц, а птицы придут на замену лошадям, и мы сможем пролетать над океанами за считанные часы вместо того, чтобы неделями бороздить волны бескрайних вод. Затем он вспомнил о никудышной прочности ягодной оболочки и долго рассуждал, какая толщина шкурки позволила бы без опасений складывать плоды друг на друга и в то же время не прикладывать усилий для ее раскусывания.

Энергия, ключом бившая из самых недр его души, казалась неиссякаемой. В какой-то момент по пути домой я перестал различать в его трели отдельные слова, воспринимая ее скорее как колыбельную, сопровождающую меня до постели. Как только голова коснулась подушки, а дерево кровати приветственно скрипнуло, голос затих, теряясь в водовороте туманных, запутанных снов.

В тот день матери чудом удалось спасти меня от повышенного внимания со стороны сестер. Проснувшись, я даже не обнаружил следов их пребывания в моей комнате: обычно оно выражалось в передвинутых вещах и разбросанных повсюду стрелах. Оружие привлекало их, и это насторожило бы меня, не будь они слишком малы даже для того, чтобы держать в руках лук.

Отец считал, что лучшим оружием является слово, и потому всегда тщательно прятал имеющееся у него снаряжение. Я нашел его лук лишь однажды. Напугавшись, что он не даст как следует рассмотреть его, я сбежал, даже не подумав взять с собой стрелы. Каждый раз, когда я, маленький и беспомощный, рыдал из-за невозможности отправиться на охоту с Индисом — будучи старше, он взял в руки оружие куда раньше меня, чем не переставал хвастаться, — отец снисходительно гладил меня по голове и повторял одну лишь фразу: «Твое время придет». К 15 годам учителя при Дворце Жизни действительно начали обучать меня и моих сверстников стрельбе, и я был крайне разочаро-

ван, когда ореол таинственности и запретности оказался разрушен.

Натягивать тетиву и отправлять стрелы в полет, тем не менее, оказалось мне по нраву. Долгие годы это было единственным занятием, за которым я мог спрятаться от детской скуки, а затем — от тоски, что душила меня после смерти отца. Сама возможность убийства кого-то за пределами охотничьих вылазок пугала до дрожи в коленях, однако многочисленные истории на страницах летописей упорно пытались убедить меня в неправильности этих чувств. В масштабах веков и тысячелетий жизнь ничего не значит. Смерть — вот что заставляет историю избирать самые петляющие тропы.

Путь до Дворца Жизни был усеян мириадами светлячков. Величественное сооружение, возведенное из подаренного горными эльфами камня, едва не доставало до облаков; многочисленные башни с остроконечными крышами казались лестницами в небеса, а выглядывающие с верхних балконов лица служили напоминанием о том, кто из нас находился к богам чуть ближе, чем другие.

Перекинутые через ущелье мосты соединяли дворец с цветущей поляной, на которой мы расположились, удобно устроившись в тени раскидистого дуба и вдыхая запах примятой травы.

— Индис...

Бэтиель долго решалась произнести хоть слово, потому ее тонкие брови уже несколько минут без-

успешно пытались дотянуться друг до друга, делая лицо по-детски серьезным. Индис повернулся на звук ее голоса, ожидая, пока та закончит фразу.

— Если бы сегодня был последний день твоей жизни, что бы ты сделал?

— Напился бы вусмерть и рассказал всем, что я о них думаю, — в следующее же мгновение ответил он. — Без прикрас.

— А я бы призналась кое-кому в любви, — вздохнула эльфийка. — Это освободило бы мою душу от оков.

Бывшие очевидными чувства девушки не нуждались в словесном выражении; мы с Индисом даже имели наглость подшучивать над ними, но лишь между собой, в обществе делая вид, что тайна по-прежнему принадлежит лишь ее обладательнице. Я лежал на бедре Бэт, устремив взгляд в проглядывающее между ветками небо, и, ощутив — хоть и не физическое — неудобство, заерзал.

— А ты, Тер?

— Не знаю, — честно ответил я. — Пожалуй, предпочел бы не знать, что он последний.

— Глупо, — отрезала Бэт.

— Зато естественно. Богиня не посылает предупреждений.

Вопреки ожиданиям, Индиса эта фраза задела куда сильнее, чем Бэтиель. Он фыркнул с такой силой, что дерево, к которому он прижимался спиной, содрогнулось. Громкого звука испугалась и Бэт, из-за чего пейзаж, открывавшийся моему взору, пошатнулся.

— Неужели тебе не хочется сделать что-то... эдакое? — возмутился эльф.

Я повернул голову направо, окидывая взглядом обитель азаани. Струящиеся с нижних башен водопады лились непрерывным потоком, наполняя реку в ущелье, чтобы затем вновь подняться и спуститься по стенам дворца; в сумерках воды казались почти черными, а мой слух настолько привык к их плеску, что и вовсе не замечал.

— Взгляните на Дворец Жизни, — призвал я. — Он стоит здесь уже... сколько? Тысячи лет? Водопады должны были сточить его стены, превратив в невзрачный камешек, почему-то оказавшийся посреди леса, но с ним ничего не происходит. Он вечен, но скучен, потому что не претерпевает изменений. Такова и моя жизнь.

— Не согласен, — возразил Индис. — Внешние изменения значимы лишь для дураков. То, что происходит за стенами дворца, больше похоже на бурное течение реки. Меняются правители, а следом меняются правила и настроения в обществе. Снаружи река — всегда река, но дважды войти в одни воды невозможно.

— Выходит, я — дурак.

— Нет, — самодовольно протянул эльф. — Дурень.

В последние месяцы Индис упорно избегал моего имени, предпочитая ему это прозвище; к его глубочайшему разочарованию, я не считал новообретенный титул обидным.

Бэтиель задумчиво молчала, будто старательно прислушиваясь к шелесту листьев. Поначалу я не обратил на это внимания, но чуть позже поймал себя на том же; едва осязаемое напряжение витало в воздухе, заставляя сосредоточиться. Даже деревья, казалось, напряглись, прекратив заигрывания с ветром.

Со стороны дворца разнеслась призывная трель. Птицы пели непривычно низко и громко, так, что их голос добирался до каждого, кто находился в нашей скромной обители; я слышал такое лишь трижды в жизни. Азаани — таков титул королевы эльфов — созывала народ на всеобщий совет.

По счастливой случайности находясь в месте собрания, мы молча — хоть и встревоженно — наблюдали, как на поляну стекаются эльфы из самых разных уголков леса. Собратья прибывали частями, и каждая волна верных последователей азаани едва не захлестывала нас с головой. Индис бросил на меня многозначительный взгляд, рукой указывая вверх. Уже через пару мгновений мы были на высоте с два своих роста, и вековой дуб любезно поддерживал нас крепкими, надежными ветвями. Выбирая точку с наилучшим обзором, я забрался чуть выше друга, но тот тут же отреагировал, заняв место над моей головой. Индис все превращал в детскую забаву. Его неустанный желанием обратиться любое действие в шутку соседствовало с таким же упорным желанием выиграть, и этот контраст делал влияние общественного мнения на него особенно заметным.

Бэт бросила на нас осуждающий взгляд и насупилась, сложив руки на груди.

Дети леса вели себя по-разному. Кто-то был искренне напуган самим наличием новостей такого масштаба, что для этого созвали весь народ, кто-то — столь же воодушевлен подвижками во внешнем мире. Жизнь в Арруме была размеренной и приторно-сладкой, но немногие из нас покидали его даже ради визита в столь близкую к лесу Грею; хоть, в отличие от горных эльфов, мы и сотрудничали с людьми, тихая жизнь среднестатистического эльфа была болотом — комфортным и теплым, пусть и дурно пахнущим.

Пришедших на зов эльфов было столько, что я засомневался, верны ли мои знания о родных землях. Сверху толпа выглядела как россыпь рыжих и русых пятен, будто бы некачественно окрашенная шерсть убитого зверя, и голоса их гулом стояли в ушах.

— А откуда...

Индис наклонился, чтобы задать вопрос, но толпа внезапно замолкла. Несколько смущенный, он последовал их примеру. Все взоры обратились к главной башне дворца — единственной, что не имела своего водопада, — и даже дыхание тысяч эльфов будто бы затихло.

— Приветствую, дети мои, — прозвучал теплый, как объятия матери, голос. — Благодарю, что пришли на мой зов.

На верхнем балконе возникла воздушная фигура азаани, озарившей поляну добродушной улыб-

кой. Казалось, сам лес помогает ее словам дойти до адресатов; они будто передавались от листа к листу, от дерева к дереву, постепенно добираясь до каждой пары заостренных ушей.

— Прошу прощения, что созвала вас так внезапно. Спешу заверить, что ничего непоправимого не произошло.

По толпе прокатился полный облегчения— и почему-то разочарования — выдох.

— Однако очень скоро может произойти, — поспешила добавить королева. Богиня одарила эльфов великолепным зрением, и благодаря ему я разглядел на лице азаани растерянное недоумение. — Наши друзья из леса в окрестностях Эдронема прибыли, чтобы сообщить о неразумном поведении со стороны дружественного нам государства. Альбреад, прошу.

Из тени, что скрывала от любопытных взглядов заднюю часть балкона, вышел невысокий, крепкий мужчина средних лет. Я бы не посчитал его эльфом, даже убедившись в заостренности ушей, но во мне, вероятно, говорила нехватка знаний о мире; я никогда не бывал в других эльфийских лесах и уж тем более в горах, где жила более изящная, если верить писаниям, и строгая часть нашего народа.

— Грея возжелала расширить свои границы, но зашла чересчур далеко, — прогремел низкий голос. Все, от короткой прически до темно-серого одеяния, выдавало в нем северянина. — Как и вы, мы находимся в тесном сотрудничестве с людьми и яв-

ляемся основной преградой для подхода к их государству. Есть три пути в Эдронем, но в горы люди не пойдут и под страхом смерти, а значит, остается два: по воде и через лес. Грея отправила скромное войско, чтобы разузнать, насколько сложно пройти второй дорогой.

В толпе зашептались, и мой взгляд наконец зацепился за группу эльфов, стоящую ближе всего к ущелью: на каждом из них был серый плащ, подобный одеянию Альбреада, но ни у кого не было такого же расшитого золотом капюшона. Значит, он — наместник азаани.

Индис начал постепенно сползать вниз, сначала поравнявшись со мной, а затем и вовсе опустившись на землю. Я не планировал поступать так же, но не удержался, когда друг изо всех сил дернул меня за ботинок. Едва не свалившись на голову Бэтиель, я чудом сумел приземлиться на ноги.

— Мы прогнали неудачливых захватчиков, но все же потеряли несколько братьев и сестер, — с горечью продолжал Альбреад. — Грея прислушивается к вам, но не советуется, потому мы пришли в Аррум. С предупреждением. И за советом.

— Я призывала придворного друида присоединиться ко вчерашнему совету или сегодняшнему собранию, — объявила азаани во всеуслышание. — Но, к сожалению, ситуация в королевстве не позволила госпоже Лианне покинуть его, не солгав королю, а подобное она категорически не приветствует. Впрочем, она ответила мне письмом, в котором всячески отрицает причастность Грей к